

Понятно, что «Битва за историю» далеко еще не окончена. И эта книга не является эпохальным сражением по типу Сталинградской или Курской битвы, что раз и навсегда переламывает ход событий. Тем не менее, это важное позиционное сражение, которое писатель Михаил Кураев, без сомнения, выиграл. Хочется надеяться, что найдется множество других компетентных и честных авторов, которые тоже скажут свое слово, тоже поучаствуют в «битве» (ведь один,

как известно, в поле не воин). Мы просто обязаны создать вменяемую и убедительную картину собственной истории, очистив ее от мифологической шелухи. ЧТО случается с народом, живущим с искаженной, изуродованной и в изрядной степени вымышленной версией собственной истории, мы видим на примере ближайшей страны-соседки Украины. Миф и ложь в этой области, иначе говоря, небезопасны, зачастую чреваты развалом государства и угасанием полноценной народной жизни. А этого нам не надо.

Зульфия Алькаева

Падеж дарительный

Будучи не только поэтом, но и незаурядным художником, Надежда Ярыгина любила раздаривать знакомым рукодельные сувениры: плетеные из ниток и бисера сердечки, рыбки, звездочки. Чаще всего — листики. А выставка ее крупных фантастических панно в родном Иркутске носила поэтическое название «Уловители снов». Кажется, Надежда туда и ушла, в свои яркие сновидения... Но к счастью, оставила друзьям и читателям трилистник. Неувядающий, нерукотворный. Состоящий из книг стихотворений: «Есть ощущение» (2012), «Случилось нечто» (2015), «Если память не изменяет» (2017). «Тихие» названия, если вдуматься, презентуют еще и авторский триптих жизненных циклов: чувство — чудесное рождение — опыт и память.

Вобширной подборке из 182 стихотворений нет разделов — сюжет книги крепок за счет переключки отдельных произведений и тем. Заключительная авторская «картина». Третью книгу поэтесса успела составить сама, но подержать в руках не довелось. Спокойная разговорная фраза «Если память не изменяет» звучит как последнее «прости» иркутской знаменитости, ставшей с легкой руки Алексея

Алехина постоянным автором московского «Ариона», а потом и автором журналов «Новый мир», «Дружба народов». Название сборника фиксирует сомнение, сигнализирует: не обессудьте, мол, дорогие читатели, если что неточно помню или записала; особенно простите, коли попадется вам какая жалоба.

И все же Надежда Ярыгина во многих стихах остается неунывающей и дерзкой, каким-то разухабистым своим парнем. Мария Галина вспоминает, как, «услышав ее невозмутимо-ироничное — и сдержанно-артистичное — чтение раскованных и даже в какой-то мере хулиганских текстов, всегда с неожиданным вывертом, с кунштюком в последних строках на поэтическом фестивале в Иркутске», Михаил Айзенберг воскликнул: «Да это же Виктор Коваль в юбке!» В скоморошских проделках поэта — детская непосредственность и взрослая печаль. Смерть не посмела такое перечеркнуть. Всей своей книгой поэтесса говорит: не верьте, я не умерла — просто хитро от вас схоронилась, спряталась. Вон, под той сосной да под елкой. А ну-ка, поищи!..

Открывающее книгу стихотворение «На фарфоровых часах» с одной стороны — считалочка, где время тоже играет в прятки, катится по льду, припевая: «Тебя найду», с другой — отсылка к Заповедям блаженства

Надежда Ярыгина. Если память не изменяет: Книга стихотворений. — Иркутск: Тип. «Форвард», 2017.

и Христову наказу быть как дети. Воспринявший подтекст считает основным: что рукотворные часы (фарфоровые, бронзовые, пластмассовые — смотря какой век на дворе) суть часы суетные; лишь солнечные показывают время божественное, осторожно скользящее, но везде поспевающее.

...А на солнечных часах
высоко на небесах
время вовсе не стучит,
не хохочет и не мчит,
не гневится, не бузит —
острожненько скользит,
как на саночках по льду,
и поёт: «Тебя найду»...

Итак, время задано солнечное, событие — сказочное. Поэтому у второго стихотворения книги — ритмичный зачин, но вместо «жили-были дед и баба» слышим другой мотив-«качели»: «Случилось нечто, пришёл некто...».

По законам жанра у сказочницы должно быть волшебное происхождение. Только не капустное. Кто ж про капусту не слышал? «В брокколи» — эка невидаль! — отыскали друга Коло, «в брюссельской» — приятеля Брюса, в «своей-савойской» — свояка Савву. Героиня же — другое дерево, то есть овощ другой. «На гороховой грядке» нашли ее родители.

...Гуляла, гуляла красавица-мама с папочкой
в огороде,
сорвали они интересный стручок, раскрыли,
а там сию я — свернулась клубочком.
Почему-то не съели меня, а решили
воспитывать.
до сих пор расту-подростаю, то расцветаю,
то увядаю,
то зеленею, то белею, то розовею.
Может и повезёт — стану принцессою
из горошины...

Градация цвета — от зеленого к белому и к принцессово-розовому — не что иное, как видоизмененный процесс превращения гусеницы-стручка в бабочку-принцессу. Новое здесь — в приращении смысла. Речь идет о повторе перерождения, о возможных нескольких попытках прорваться к Истине по личному тоннелю судьбы. То есть христианское понимание духовного роста человека.

Распеленывать эту «капусту» интересно и дальше, снова обратившись к ее первым листьям. Акцент сделан на цельности и переменчивости. Цвет волос не важен, героиня вся — хамелеон: «то зеленею, то белею, то розовею». А главное, у нее есть свойство

свитка — свернутость, что указывает на священное назначение Слова примирять людей, разных по крови и внешности. Если же смотреть на образ в целом, мы заметим некий гибрид «принцессы на горошине» и «Дюймовочки» Андерсена. Принцесса в гороховом стручке. Чудо огородное!

Ярыгина, вообще, относится к миру по-свойски. Смотрит на него, как на личные грядки. И чего только поэту не сходит с рук! Непостижимая природа в ярыгинских координатах понятна и даже управляема.

Думала листья,
а это рыжие бабочки
не налетались.

Кажется, крикни она заигравшимся бабочкам: «Домой!» — они послушаются и залетят в окошко. Обыденность чуда, свойственная сказкам, оттеняет почти каждое наблюдение поэта.

Наив, пусть и сознательный, отрефлекси- рованный, — все равно не теряет в стихах Ярыгиной присущую ему унцию храбрости. Это свобода — быть по-детски уверенным в своих догадках о мироустройстве. Очевидно одно — робкий искатель ничего не найдет в этом мире, ничему не присвоит имя... Автор книги иронизирует: «Если память не изменяет... изменяет она тебе, изменяет!» Но в контексте стихотворения речь идет о памяти всеобщей, академичной, возлежащей «на библиотечных столах, как Постумия на античных пирах». В личном памятихранилище Ярыгиной — полный порядок. Живо каждое острое ощущение, поэтому известно, допустим, откуда берутся перистые облака: это «стрижи» «кромсают небо», «Из облаков разлетаются перья». Глядя на милые «анютины глазки», многие подумают о праздничном содружестве белых, синих и желтых лепестков. Один поэт прозревает: да это же глазки Анюты, которую мальчишки нечаянно обидели! — «Двор школы. Потные мальчишки, // пыльный футбольный мяч... // Хочется подойти к клумбе и погладить синяки // под перепуганными глазками анютиных глазок».

Лаконичные, обманчиво простые стихи Ярыгиной будто сами вырастают на пыльных городских площадках и клумбах. То ли в книгу заглядываешь, то ли в старый дворик... Кого здесь только не встретишь! Сидит на скамеечке эдакая бабуся-ягуся, куколку Барби теребит да старую песню на новый лад распевает: «... барбиня, барбиня, // сударыня барбиня». Дедушка машет руками: «Ангелят отгоняю», как будто мухи вокруг него кружат.

А настоящее жужжащее насекомое в одном из стихотворений поэта обретает ласковое имя Катенька. Стереотип надоедливой мухи перечеркнут. Муха Катенька почему так любима? Да потому что первая. Вестница скорой весны. Ничем не хуже грачей с картины Алексея Саврасова. Беречь надо Катеньку, подкармливать: «Приходили на кухню завтракать, // говорили: "Здравствуйте, Катенька!" В окна к такому веселому поэту залетает не какая-нибудь птичка-синичка, а «чужой попугай». Впору новую приметку сочинять — к чему пернатый гость кричит: «О, Святая мадонна!» и «Я — Челентано»?

Вообще, множество стихов Надежды построено на парадоксе. Зима — априори белая, но не в контексте ярыгинского «месяцеслова». Присваивая каждому месяцу свой цвет: марту и апрелю — голубой, маю и июню — зеленый, на зиме поэт спотыкается... «Читатель ждет уж рифмы розы», пушистой белизны. В ответ — неожиданное ворчанье на погоду: «А все эти зимние (их называть не буду) // Они от холода синие, длинные, не переносимые, // Уязвимые и сопливые». Автор уклоняется не только от белоснежности, он игнорирует и названия месяцев («все эти зимние»). От спокойных сравнений резко переходит к смелому олицетворению («от холода синие»), идет от визуального к чувственному восприятию. У читателя возникает эффект присутствия: точно одним рывком открыли дверь, впустили в теплый дом морозный воздух. Такие вещи пробирают... Не зря дети обожают пересматривать старый мультфильм про «подушку душную, одеяло кусачее» («Как Маша поссорилась с подушкой»; режиссер Лев Мильчин).

Этот текст, насыщенный определениями, сродни детской загадке. Уместна и капризная реплика в скобках: «(их называть не буду)». Кстати, тот же прием маркировки детского поведения мы встречаем у другого Ковалева, Юрия, сумевшего в шуточной форме выразить отношение к библейским героям: «Иуда, Каин и Авель // Однажды кушали шавель. // Авель, ушами шевеля, // Ел сочный кустик шавели, // А про Каина и Иуду // Я говорить больше не буду».

Ироничный, изобретательный стиль Ярыгиной местами похож на слог «красной девицы» Нины Красновой, московской поэтессы родом из Рязани, сочетающей в своих стихах фольклорные мотивы с авангардными традициями «шестидесятников», или поэтические каламбуры философа Вадима Рабиновича. Та же словесная

эквилибристика, аналогии, лежащие буквально под ногами... Но есть чисто ярыгинская черта — настойчивое стремление нивелировать дистанцию между собой и своими героями. Не умничать, не поучать, не ставить себя выше обычных работяг. И быть деликатной. По мнению Алексея Алёхина, Надежда Ярыгина привнесла в отечественную поэзию «линию воплощенного женского, простодушно-мудрого приятия мира». Она «пишет все время о тех, кто "дерется на лестнице", ... о живых людях», — отметила в рецензии на первую книгу Ярыгиной «Есть ощущение» Мария Галина.

Банальная ситуация — распадается чья-то семья. Но Надежде не все равно, и буквально через бунт вещей ей удастся передать переживания супругов, сказать, что любой «легкий» развод — трагедия и слом: «...А разводились они легко, // ругались всего-то раз — // делили библиотеку. // Все потому что их книги // стали сплочённой командой, // романы крутили романы, // дружили шкафами...». Эхо последней строки — «дружили шкафами», как некогда, вероятно, дружили семьями, — подчеркивает контраст перемен и делает ее метафорой безлюдья.

Чтобы быть услышанной в этом слишком серьезном мире, поэтесса готова даже примерить на себя роль блаженной: «Выдайте мне справочку, что я не косяя...» В игровой своей манере Надежда Ярыгина заходит так далеко, как только может зайти дерзкий поэт, «покушаясь» и на падежи, и на азбуку. С Творцом поэтесса связывает «падеж творительный», с родителями — родительный, с братом-балбесом — винительный. Лишь дательный падеж в его классическом виде стихотворицу не устраивает: «А я вам не дательный! И не продательный! // В крайнем случае просто дарительный». В самом деле, давать и продавать — одно, дарить — совсем другое. Подарок преподносится с настроением, с солнцем внутри...

Если, создавая сборник воспоминаний о Юрии Ковале, друзья обыграли его фамилию, и получилась «Ковалиная книга», то в случае с Надеждой Ярыгиной в ход пошло бы её отчество. Дарить себя Кирилловне — все равно что проливать из чернильницы «кириллицу». Созвучие отчества с названием поэт понимает как благословение свыше и обыгрывает в начале книги. Говорить о рождении приятнее и легче...

А прошлое проявляется само, как цвета на водных раскрасках: достаточно лишь намочить картинки водой. Обыденность вдруг перестает быть скучным серым фоном. Усилием поэта

она перемещается в центр внимания и начинает рассыпать пучки радужного света. Ожившие буквы, предметы, очеловеченные растения, насекомые, птицы... В мире Надежды Ярыгиной обитает жизнь в квадрате, а то и в кубе. К плодам своего труда — отношение как к проказливым детям, которых порой следует если не в угол поставить, так поддержать под домашним арестом (вспоминается «невоспитанный стих» Анны Ахматовой, пусть то и была любовная лирика):

написались стихи
но в редакцию их не отправлю
пусть полежат подумают

Этот миниатюрный верлибр наталкивает на мысль о скрытой «этимологии» Ярыгинской принцессы «из горошины».

На Руси в старину провинившихся ребят ставили на горох, чтобы физическая боль усиливала нравственную. Для поэтессы, обращенной к фольклору, факт значительный, возможно, и Андерсена перебивающий. Горох — тот единственный овощ, чья твердая субстанция похожа на дробинку. Ею выстрелить можно. А поэт есть совесть народная, человек, на горохе стоящий, за всех внутренне отвечающий.

Мария Закрученко

Практическое руководство к бегству

Роман польской писательницы Ольги Токарчук «Бегуны», написанный в 2007 году (в России вышел в издательстве НЛО в 2010-м), вернули читателю спустя десятилетие с отметкой международного «Букера» не напрасно. Актуальность этого текста в нашем 2019-м переводит его (с небольшими оговорками) во вневременное состояние — подвешенное время и пространство, куда Токарчук помещает и истории своих героев, и себя саму.

Документальная проза или художественная? Сборник новелл? Дневник путешественника? Практическое руководство к бегству?..

Под «бегунами» автор понимает не членов старообрядческой секты (хотя они в книге есть), бегущих от лукавого, а всех, кто перемещается по миру с целью самого движения. Людей с особым видением мира как чемодана. Движение для них и есть жизнь, и героиня-автор приобретает эту оптику с самого детства, рассуждает: «...движение всегда предпочтительнее покоя; перемены

благороднее постоянства; обездвиженное неминуемо подвергнется распаду, выродится и обратится в прах, тогда как подвижное, возможно, пребудет вечно». Ни в коем случае не идти к цели, не искать достопримечательностей и впечатлений — это путь варваров. Цель сама найдет путешественника, в образе попутчика в самолете или бомжа в метро, в виде истории, записанной на клочке бумаги в ожидании трансфера.

При беглом прочтении кажется, что новеллы в романе фрагментированы, словно сделанные наспех, на бегу. Так и есть, героиня-автор признается, что научилась писать в самолете за откидными столиками, на музейных лестницах, на ладонях, салфетках, полях книг. Должно быть, этот роман рождался из замусоленных ежедневников с выпадающими бумажками и закладками — ни один смартфон не вместит в себе столько опыта, сколько успеет запечатлеть карандаш на бумаге.

Но фрагментарность прозы Ольги Токарчук — прием. Сквозные линии и сюжеты проходят через весь текст наборами точно подогнанных друг к другу предложений. Все истории в книге собраны наподобие

Ольга Токарчук. Бегуны: Роман. — М.: Эксмо, 2018.